Дэн Абнетт

<[выгружено: ] Крузий, магос экзекутор-фециал, Легио Инвикта (110011001101, сжатие кода zy) [добавочные информационные модули приложены, поток 2] [начал]

В соответствии с предложенным исполнением К494103 я начал переговорный процесс с магосами Ореста. Подключайтесь к добавочному модулю 1100 и загружайте подробную ревизию фактов о ситуации на Оресте. Эти оценки подтверждены нашими съемками с места событий. Орестские магосы четко изложили все, что касается кризиса. Враждебные силы, включая сто семьдесят четыре [один семь четыре] идентифицированные единицы крупной боевой техники Изначального Уничтожителя, приступили к военным действиям против Ореста Принципал с прилегающими субульями, улья Аргентум, сборочных площадок на горе Сигилит, доводочных башен ульев Гинекс и Антиум, Западной проспекции и различных вассальных общин Астроблемы. При обсуждении исполнения К494103 магосы Ореста предложили провести полный ремонт и переснаряжение Легио Инвикта без промедления, оплаты и компенсаций в обмен на профилактическую акцию. В ожидании вашего решения я рекомендую вмешаться. Даже если не учитывать предложенный ремонт, полагаю, мы все равно обязаны совершить это исполнение, или мы уклонимся от своего долга, проигнорировав тяжелое положение этого священного мира-кузницы. Полагаю, исполнение отменит имперский приказ 475:3Ae472 [Макарот], но уверен, что магосы-пробанды подтвердят законность этого. Я возлагаю эту рекомендацию во имя Омниссии к мудрости своих доверенных старших в день Империума 223.779>.

<[выгружено: ] Ковеник, магос навис, Легио Инвикта (0011101010011101, сжатие кода twa) [добавочные информационные модули сопоставлены, поток 2] [начал]

Я загрузил выкладки, Крузий, и согласен с тобой. Я приказал флоту ждать и готов изменить курс и перейти к Оресту, если Геархарт даст свое одобрение. Жду подтверждения приказов>.

<[выгружено: ] Борман, первый принцепс, Легио Инвикта (111010110110111, сжатие кода cfn) [добавочные информационные модули сопоставлены, поток 2] [начал]

Документация отв.: исполнение К494103 загружено и просмотрено. Не думаю, что у нас есть выбор, законно это или нет. Неважно, чего требует имперский магистр войны, — мы не можем просто пройти мимо и бросить марсианскую колонию в экстремальной ситуации. Мы должны пойти. Почему Геархарт думает так долго?>

<[выгружено: ] Лау, командующий скитариев, Легио Инвикта (44 десятичная 8, сжатие кода exk) [добавочные информационные модули сопоставлены, поток 2] [начал]

Борман прав. К черту приказы! Скитарии готовы. Исполнение должно начаться, и Орест должен быть спасен. Я заклинаю милорда Геархарта принять решение побыстрее>.

<[выгружено: ] Геархарт, принцепс максимус, адепт сеньорус, носитель Седьмой печати Марса, первый комматор, магистр манифольда, называемый Красной Фурией, благословленный Божеством, Легио Инвикта (111011011011111100, сжатие кода kin) [добавочные информационные модули сопоставлены, поток 2] [начал]

Какие вы нетерпеливые, дьяволята. Сталь может ждать дольше, чем плоть. Я загрузил данные и закончил общий просмотр. Ковеник, начинай переход. Борман, будите свои БМУ. Лау, загружай данные войскам.

Мы пойдем по Оресту>.

0

Иссохшие и безгубые, полки мертвецов воют жуткую хулу вслед твоей поступи. Темный дым заполняет огромную каверну пространства. О машина! О божественная махина! Раскаленный, как топка, поток твоего огня гнет прогорклый воздух небесного свода и плавит прах земли в стекло. Принцепс в своем амниозе, пьющий жидкие данные, раздавленный прекрасной агонией столь могущественного бытия, чувствует тяжесть твоей величественной поступи так же верно, как если бы вырезал мавзолейные таблички каждой из твоих жертв сам, своими руками, пока кости на кончиках пальцев не прорвали бы стертую плоть. О железный бог! Единение яростное, как водоворот в черной воде, как кипящий котел, в котором вы варитесь вместе, где нет начала одному и конца другому, но где оба смешаны, подобно сплаву. Быть сцепленным с богом! Чувствовать, как обжигающий голод звенит в твоей душе! О счастливец!

Спишь ли ты когда-нибудь на самом деле? В долгое межвременье, проходящее впустую в тиши испачканных масло трюмов и опорных лесов, спишь ли ты тогда? Когда технопровидцы погружают тебя в бездействие — сон ли это для тебя? Спишь ли ты тогда, великая махина?

Что за сны ты видишь?

1

Судя по показаниям ауспика, махина, похоже, отступила за горящий остов сыромятни и ушла. Но прибор несколько раз роняли, и как минимум один раз в него попал лазер, расколов экран. Основной дисплей еще что-то выдавал, и приходилось ему верить, иначе Голанд давно бы его бросил. Хотя у него было гадкое предчувствие, что в конце концов бросить его все же придется. Когда придет время, ему и его людям придется бросать во врага все, что у них есть. Буквально все.

Была середина дня, но казалось, что середина ночи. Единственным источником света под грязно-черным низким небом служили горящие вокруг развалины. Кислотный дождь лил как из ведра, превращая густой слой кирпичной пыли под ногами в чавкающую глину. Потоки воды не могли заглушить огненной бури пожаров. Слышно было несмолкаемое сдавленное шипение воды, встречающейся с огнем, и клубы пара, накатывающие, словно туман, ухудшали видимость еще сильнее.

«Вот на что похож ад, — решил Голанд. Затем поправил себя: — Это и есть ад».

Дарик Голанд опустился коленями в грязь и взялся за настройки ауспика. Мокрые пальцы все время соскальзывали с панели наладонника. Где-то за спиной, среди дождя, протяжно и страшно кричал человек. Обезболивающего больше не было, не осталось ни ампул с морфием, ни медиков, ни надежды.

Ауспик принялся выдавать частичные всплески, какой-то странный отклик. Голанд тихо выругался. Что это означает? Прячется кто-нибудь за сыромятней или нет? Он встряхнул прибор и стукнул им по бедру в надежде, что всплеск — лишь дефект изображения, вызванный трещиной в дисплее.

Внезапно в нескольких сотнях метров слева обрушилась какая-то массивная постройка — арка или опорная стена. Со звуком, похожим на грохот сходящей лавины, она опустилась в огненную пучину, которая и была причиной ее разрушения. Искры взметнулись тучей светлячков, и дождь тотчас пожрал их. Сотрясение и грохот заставили людей Голанда дрогнуть.

— Спокойно! Спокойно! — крикнул он. — Это просто от пожара! Всем оставаться на местах!

Нервы у них уже ни к черту. Еще чудо, что большинство до сих пор не разбежались. Их выпустили против врага, который превосходил их по всем параметрам. Эта война была не для пехоты. Такая война вообще не для пехоты.

Им — и Голанду — грохот рухнувшей постройки показался предрекающей смерть поступью махины. На этих узких, зажатых меж высоких стен фабричных улицах, как они уже узнали, на свою беду, падающая стена служила зачастую единственным предупреждением, что в атаку на тебя прет махина.

Ядовитый смрад потек по узкому переулку. Голанд сдержал рвотный позыв. Пожар в сыромятне добрался до складов кож, и в воздухе распространилось зловоние обугленной плоти и горящего жира.

Голанд еще раз глянул на ауспик. Всплеск исчез. Поврежденный экран теперь показывал лишь топографические объекты и энергетический шум от пожаров. Что это — правда или очередная ошибка дисплея?

— Ну что, выдвигаемся, командир? — спросил рядовой Кинер.

Голанд поднял голову. Кинер съежился в разбитом дверном проеме; по его шлему, плащу и оружию струился едкий дождь. Шестью днями ранее, в дружественном тепле ротной казармы СПО, они праздновали двадцатый день рождения Маки Кинера. Голанду показалось, что сейчас, бледный и измученный, рядовой выглядит на двенадцать.

— Прежде чем мы двинемся, я хочу быть уверен, что это ублюдочное чудище ушло, — ответил он. — Держись, ладно?

Кинер кивнул.

Где-то в километре слева заколошматило орудие махины. Несмотря на расстояние, грохот потряс землю. Голанд и Кинер вздрогнули.

— Сраный ад! — взвизгнул рядовой.

— Держись, — повторил Голанд. — Поверь мне, Маки, — просто продержись, и я вытащу тебя отсюда.

— Вокс! Вокс! — раздался сзади сорванный голос.

— Я здесь! — крикнул Голанд, поднимаясь на ноги и размахивая руками в струях дождя. Тертун, связист отделения, подбежал и рухнул на землю рядом.

— Сигнал из Принципала! — неразборчиво выплюнул он, обтирая дождевую воду с лица и протягивая трубку Голанду.

Голанд взял трубку и присел возле связиста.

— Херес-Пять СПО, прием.

— Херес-Пять СПО, это Принципал. Сообщите свое местоположение.

— К югу от субулья Гинекс, Принципал. Не хочу сообщать точные координаты — нас прослушивают.

— Уточните, Херес-Пять СПО.

— Противник. Они настроились на все наши каналы и системы. Они нас прослушивают.

— Вас понял. Это майор Кайрнс?

— Кайрнс убит около часа назад. Это сержант Голанд, замещаю командира. У нас три, возможно четыре, махины, буйствуют в сельхозпригородах. Серьезные сопутствующие разрушения. Их ничем не остановить.

— Каковы ваши силы, сержант?

— Подождите, Принципал. — Голанд поднял голову, смаргивая едкие капли с ресниц. — Провести перекличку! — крикнул он в ливень.

Ответило восемнадцать голосов, некоторые — глухо и издалека. Всего восемнадцать. Еще утром он шагал вслед за Кайрнсом с семьюдесятью пятью солдатами СПО.

— Один-восемь, восемнадцать, — прохрипел Голанд в вокс. — Нас здесь разносят! Принципал, сообщите, где Легио Темпестус? Нам приказали ждать Темпестус.

Повисла долга пауза.

— Темпестус сейчас недоступен. Мы отправляем к вам шесть «Стервятников».

— «Стервятников»?! — воскликнул Голанд. — «Стервятники» не сделают ни хрена! У нас тут махины! Три, может быть четыре, «Разбойника» и еще «Владыка»! Я не шучу, Принципал, нас тут испаряют, и нам нужна поддержка махин!

— Ожидайте, Херес-Пять СПО, — протрещал вокс.

И смолк.

«Они говорят мне ждать, — подумал Голанд, — а я говорю парням держаться. Мы тут все сидим и ждем, пока не разверзнется ад и не утащит нас всех вниз».

— Чертовы идиоты! — сказал он связисту, бросая трубку обратно. — Ни черта не понимают.

Он поднялся и окинул взглядом разрушенную улицу. Уцелевшие бойцы его отряда жались в ямах и воронках позади него, облепленные грязью и обгадившиеся от страха.

— Херес-Пять, внимание! — крикнул Голанд. — Пушка? Пушка осталась? Нет? Взрывчатка? Или плазма?

Никто не ответил.

— Огнемет хотя бы? Кто-нибудь! — отчаянно вопрошал Голанд.

Он подождал еще, но вместо ответа раздался жуткий, протяжный грохот падающих камней.

— О черт! — завопил Тертун.

Голанд обернулся.

Высокие стены и трубы горящей сыромятни рушились. Они падали, потому что их ломали.

Она не ушла. Ауспик соврал.

Кирпичная кладка, каменные блоки, поперечные балки хлынули на улицу, словно оползень, скатываясь и подпрыгивая в вихре огня. Грязь и искры взметнулись в воздух, и проливной дождь тут же превратил взлетевшую пыль в падающие капли дегтя.

Когда рухнули стены, обжигающее пламя внутри сыромятни глотнуло кислорода и радостно воспрянуло, желто-белое, метров на шестьдесят в черный воздух. За стеной огня возвышалось нечто. Грубое подобие человека — человека, увеличенного до тридцати метров.

Махина стояла за огненным занавесом, словно силуэт бога, и смотрела на них.

— Бегом! Бегом, ради всего святого! — заорал Голанд.

Солдаты Херес-Пять СПО уже бежали.

Мощная гидравлика зашипела, огромные приводы двинулись, массивные металлические сочленения заскрежетали и лязгнули. Махина сделала шаг — и земля содрогнулась. Куски каменной кладки разлетелись от ноги восьми метров в обхвате, словно мелкая галька.

— Быстрее! В укрытие! — прокричал Голанд на бегу и бросил взгляд назад.

Выйдя из огня, огромная махина так и осталась черным силуэтом. Она вся была покрыта коркой копоти, на корпусе — толстый слой сажи. Остатки пламени трещали и бились в выемках и сочленениях конструкции. Она сделала еще два сотрясающих землю шага, а затем слегка наклонилась, словно только заметив крошечных бегущих людей. Постояла. Затем опустила тлеющую правую руку, зафиксировала и открыла огонь.

Звук турболазера в автоматическом режиме походил на крик умирающего солнца. Череда раскаленных добела разрядов захлестнула со всех ног бегущих по переулку солдат Херес-Пять СПО. Попавшие в накат массированного огня беглецы вспыхивали и испарялись практически мгновенно. Напор огня сровнял с землей всю улицу и распорол землю до спекшейся каменной подложки.

Маки Кинер распался на середине шага облаком пепла, разлетевшимся, словно конфетти. Последнее оставшееся от Тертуна, что увидел Голанд, — прожаренный хребет, череп и

лопаточная кость, выпавшие из накатывающего огненного потока, все еще соединенные, словно части марионетки, управляемой обжигающей яростью атаки.

Голанд развернулся и с воплем швырнул предательский ауспик, словно метательный диск, в огромную махину, шагающую вслед за ним по улице.

Он не успел увидеть, попал ли в цель. Лазерный залп испарил плоть с его костей, а затем, миллисекундой позже, сверхдавление разметало его скелет, словно пучок прутьев, в струях падающего дождя.

>

Они так привыкли к состоянию войны, что когда она в конце концов подобралась к ним лично, то, похоже, застала врасплох.

Народ Ореста, как имперцы, так и Механикус, давно уверился, что находится вдали от жарких линий передовой. Крестовый поход, бушующий в мирах Саббат, шел в нескольких месяцах пути по ходу вращения галактики. Народ Ореста считал себя в безопасности.

Огни, замеченные ночью в пустынных краях Астроблемы, означали начало немыслимого. В этих суровых местах — рваной ране, оставленной доисторическим метеоритом, — обитали вассальные сообщества, и именно они — племенные сборища и мобильные колонии проспекторов — первыми увидели огни в небе над самыми пустынными частями разбитых земель и с удивлением воззрились на них. Сообщения и сигналы закружились в виде сплетен и слухов среди вассальных сообществ, по торговым площадям субульев и с севера от улья Принципал. К тому времени, как к ним отнеслись всерьез, было уже слишком поздно. Крупнотоннажные посадочные модули тайком сели в самых мертвых точках планеты и выпустили боевые махины. Темные механики Архиврага ослепили и обманули бдительные сенсоры и дозорные спутники орестских СПО, и легионы Урлока Гаура двинулись, чтобы нейтрализовать этот жизненно важный источник поставок военной техники — Кузницу Ореста.

Однажды утром, на третий день топливня — седьмого месяца орестского календаря, за двадцать девять дней до того момента, как обугленные кости Дарика Голанда разлетелись под дождем, тягучие удары колоколов полетели над Орестом Принципал. Еще едва рассвело. Колокола разбудили капитана Эрика Варко на койке общежития, и он встал, поняв без слов, что его жизнь скоро полностью переменится. Они встревожили Калли Замстак, спокойно ждавшую в своей квартирке мужа с вечерней смены в доках.

Они звучали на пустых галереях и под медными арками. Их нудный звон эхом отдавался в нижних провалах и на высоких авеню. Лорд-губернатор Поул Элик Алеутон крутился в постели, пока помощник настойчиво стучал в двери покоев. Дарик Голанд проснулся на своей гарнизонной койке с тяжелой головой и кислым привкусом во рту — и возненавидел этот день за все, что тот принес. Этта Северин в своем особняке на Южном утесе оторвалась от торгового отчета, над которым трудилась всю ночь, и хмуро прислушалась к колокольному звону. Соломан Имануал, адепт сеньорус Кузницы, дремлющий в своем амниотическом мешке,

почувствовал всплеск данных и понял, что в его бинарных снах звонят колокола.

Колокольный звон покатился по темному сердцу Кузницы — вдоль мостков и разбегающихся во все стороны туннелей; под тяжелыми кольцами толстых волоконных жгутов, цепляющихся за потолок и стены, словно сочные плети лиан; сквозь сборочные подвалы, где производство никогда не затихало; по криптам огромных когитаторов с контролируемой атмосферой. Магосы собрались в мастерских и контрольных точках — замешательством щетинилась их эпидермальная гаптика, вопросы пульсировали в их жидкостных системах. С растущим недоверием они смотрели на поток телеметрии, передаваемой в прямом эфире из южных ульев, прокручивая, просматривая — и высмеивая данные, что заполнили свинцовые стекла экранов и объявили о вторжении как о свершившемся факте, словно бросая вызов неверию зрителей.

— Это учения? Имитация? — спрашивал адепт Файст, пытаясь обработать в полном объеме то, что видит.

— Это не имитация, — ответил стоявший рядом магос-логис.

Колокола продолжали звонить. Холодный предутренний свет омыл небо. Сад Достойных — огороженная, усаженная рядами деревьев лужайка под восточным подъемом Канцелярии — в это время пустовал. Мучимый бессонницей и призванный колокольным звоном, модерати Цинк вышел из своей будки и окинул взором начинающийся день. Несмотря на дряхлость, Цинк до сих пор передвигался ходульной походкой человека, когда-то связанного разумом с величественной махиной.

Стайка крошечных щебечущих зефирид прихорашивалась в южной части лужайки, держась на той стороне газона, куда падали лучи новорожденного солнца. Они кружили и перескакивали с места на место, словно сухие листья, подхваченные осенним ветерком. Цинк застегнул пальто, достал из будки ивовую метлу и принялся подметать дорожки.

Колокола отбивали не часы. Это было что-то новое. Цинк размышлял, что означает их звон, но так и не пришел к определенному мнению. Он вообще был мало в чем уверен, так что просто продолжил тщательно работать метлой. Цинк был далеким отблеском себя прежнего. Боль, принесенная яростью гарганта, выжгла ему рецепторы манифольда и гаптику во время войны махин восемьдесят лет назад. Шок сжег все акцепторы и сделал его глухим к машинам. Механикус назначили ему служебную пенсию, а принцепс Цинка добился для него места смотрителя Сада. Цинк подметал дорожки, приводил в порядок и подстригал лужайки, чистил бюсты достойных.

Он заметил интересную закономерность. Каждый год или два в Саду Достойных появлялись сервиторы и убирали некоторые бюсты, обычно самые старые и заросшие мхом и лишайником. Цинк точно не знал, куда они их забирают. Чистые и свежие бюсты занимали свободные пьедесталы — новые герои на смену старым.

Подметая лужайку и сгребая листья, слушая, как колокола бьют в неурочный час, Цинк

постепенно кое-что понял.

Скоро великое множество достойных отдаст свои жизни, и скоро понадобится много пьедесталов.

>

Трррк! Трррк! Трррк!

Медленно, величественно титан наступал на врага — шаг, затем другой: тунк, тунк, тунк. Затем он остановился, гудя. Орудийные конечности двинулись вверх-вниз — и вспыхнули светом, уничтожая все перед собой.

— Гигант! Гигант! — захихикал Цембер, хлопая в ладоши с изуродованными артритом пальцами.

Тусклые лица кукол глядели на него, пустоглазые и безразличные. Свеча в полушарии грязной, потрескавшейся светосферы угасала. Хихиканье Цембера перешло в кашель.

Он прижал титана, чтобы тот не свалился с края верстака. Ростом в локоть, он был успокаивающе тяжелым — железные шестерни придавали веса заводному сердцу под жестяной броней. Цембер сам раскрасил жестяные пластины кобальтово-синим — в цвета Темпестуса. Когда он поднял игрушку, ноги машины беспомощно забултыхались взад и вперед.

Манфред Цембер был владельцем в третьем поколении небольшого магазинчика «Анатомета», на восемьдесят восьмом уровне коммерции Ореста Принципал — в Рядах железных дел мастеров, приткнувшегося между птичьим рынком с его запахом зерна и металлической вонью крови и студией светского миниатюриста. Напротив, через узкую улицу, сбились убогие лавки свечника, красильщика, войлочника и чулочника, опершиеся друг на друга, словно компания друзей-пьянчужек. Дед Цембера расписал вывеску собственноручно: «АНАТОМЕТА» — золотым и красным. Тогда это было процветающее дело — продажа манекенов и автоматов богатым и привилегированным из Верхограда и с Южного утеса. Бережно хранимая семейная история рассказывала о дне, когда лорд-губернатор собственной персоной заявился, чтобы купить механическую обезьяну для младшей дочери. У обезьяны было шутовское выражение на морде, и она колотила в медные тарелки, если ее завести и пустить. «Крайне изумительно!» — объявил лорд-губернатор. Это было шестьдесят лет назад. Времена прошли, вкусы изменились, и вывеска поблекла.

Цембер считал себя сейчас кем-то вроде доктора для сломанных игрушек. Денег особых это не приносило. Клиенты приходили нечасто, сжимая в руках лысых кукол с вывихнутыми конечностями, механические игрушки, которые отказывались ходить, танцевать или крутиться. Он брал свою мзду за ремонт. Цембер мог за пять минут перетянуть куклу, склеить разбитое личико из керамики или папье-маше как завзятый косметический хирург, заменить сломавшуюся пружину или шестеренку, заставить сломанный механизм ходить, жужжать, сверкать и приносить радость, как новый.

Но он не мог так же просто починить собственную удачу.

Внеурочный звон колоколов стал его праздником. Проснувшись по привычке в четыре утра, он приволокся в оживленную столовую на Конгрессе за кружкой кофеина и коркой вчерашнего хлеба. Вечерняя и утренняя смены рабочих пересекались тут, покупая завтрак или ужин. Когда начали бить колокола, управляющий столовой включил общественный вокс, и душный зал затих — посетители слушали передачу.

Война пришла на Орест. Южные ульи сообщали о первых нападениях. Лорд-губернатор просил сохранять спокойствие, а Кузница объявила, что Темпестус пойдет.

Все оцепенели. Цембер плюнул и устало потащился обратно в свои владения, прижимая к птичьей груди горячую жестяную кружку с кофеином.

Создание титана заняло у него три недели, а простоял он на полке в задней части магазина девять лет. Цембер снял его, осторожно сдул пыль и завел. Куклы, изношенные и поломанные, ждали помощи в госпитале, в который превратился магазин. Цембер устало посмотрел на них: кукла, нуждающаяся в перетяжке; клоун с пробитой головой-яйцом; потертая принцесса, нетерпеливо ждущая, когда ее увядшую красоту подновят; солдат-автомат, которого покалечили на чьем-то ковровом поле битвы.

Пусть подождут.

Титан шагал все медленнее — завод пружины кончался. Цембер поставил его на стол. Тот сделал последний судорожный выстрел из орудий.

Это будет его возвращением к успеху — война махин. Он наделает игрушек, и они будут продаваться — как сувениры, призы, подарки, талисманы — маленькие заводные титаны.

Трррк! Трррк! Трррк!

Он завел игрушку снова и пустил по столу. Та шагала как будто в такт ударам колокола. Куклы смотрели молча, широко раскрытыми глазами.

Игрушечные титаны спасут его бизнес. В конце концов, разве титаны не должны спасти их всех?

10

— Они пойдут? — спросил адепт сеньорус.

Сформулированный на бинарном канте вопрос он выдал инфоговоркой частых импульсов через

аугмиттеры, встроенные, наподобие жабр, под нижней челюстью. Скорость и высота говора передали оттенки нетерпения и озабоченности.

Экзекутора-фециала звали Джаред Крузий. Он почтительно склонился перед благородной ассамблеей, стоя в одиночестве на широком мраморном помосте, в центре их внимания. Более пяти тысяч нотаблей собралось в этот день, чтобы услышать его ответ. Свет позднего летнего солнца, заливающий огромный аудиториум сквозь стеклянный купол крыши, омывал кресла, расположенные кругами под помостом, придавая силуэтам сидящих некоторую божественность. Крузий не отводил почтительного взгляда от адепта сеньорус.

— Благородные лорды, — ответил он на чистом и четком низком готике, — этикет обязывает меня вести собрание вербально. Не все из присутствующих владеют бинариком.

В зале одобрительно захлопали имперские чины и гранды. Их было почти втрое больше, чем присутствующих магосов Механикус Ореста.

— Благодарю вас за любезность, экзекутор, — произнес, поднимаясь с места, имперский губернатор. — Учитывая значимость этого заседания, я бы предпочел на некоторое время не слышать эти непонятные машинные звуки. Со всем уважением к моему благородному другу адепту сеньорус, конечно.

Губернатор Поул Элик Алеутон был величавым и харизматичным мужчиной, в результате омолаживающих процедур выглядевшим на шестьдесят — вчетверо моложе своего реального возраста. Тяжелые белые доспехи Гордой гвардии Ореста привычно сидели на нем благодаря долгому времени, проведенному больше на официальных приемах и торжественных парадах, чем на действительной военной службе. На него здесь была возложена власть Золотого Трона. Он был голосом Терры на Оресте и в прилегающей системе. Замолчав, он почтительно обратил взор на адепта сеньорус, сидящего в противоположном конце залитого светом аудиториума. Глава Кузницы Ореста Соломан Имануал, в красной мантии, древний, на девяносто один процент состоящий из искусственных органов, благосклонно кивнул в ответ.

— Примите мои извинения, лорд-губернатор, — ответил он, также поднимаясь на ноги. — Я поддался собственной фрустрации. — Его плотский голос звучал неуклюже и гнусаво, словно речь абсолютно глухого человека. Адепт сеньорус не привык к вербальному общению.

— Может быть, я не понимаю канта, но догадаться о сути вопроса адепта могу, — продолжил Алеутон, поднимая взгляд на экзекутора. — Они пойдут?

Джаред Крузий, как и большинство экзекуторов-фециалов, предпочитал лишь неразличимую или спрятанную внутри аугментику. Он был высоким и статным мужчиной с благородными скулами и коротко стриженными серебристыми волосами. Ниспадающие складки простой черной мантии подчеркивали рост. Его внешний вид — посла, посредника, устроителя — был тщательно проработан, чтобы внушать доверие в переговорах той стороне, которая не относилась к Механикус. Большая часть переговорщиков легио во все годы занимались связью с ведомствами Империума. Лишь форменная мантия и легкий голубовато-зеленый отсвет,

который появлялся в глазах, когда на них под определенным углом падал свет, выдавали его принадлежность к Марсу.

А еще Крузий был мастером драматических пауз.

— Они пойдут, — кивнув, произнес он.

Магосы, расположившиеся в креслах на мраморных кругах внизу, издали всеобщий свистящий вздох облегчения, даже несмотря на то что значительной части из них больше не требовалось дышать. Раздались всплески аплодисментов и несколько ликующих выкриков со стороны имперского контингента.

Крузий поднял руку, элегантно обтянутую перчаткой.

— Прошу вас понять, — сказал он, когда аплодисменты стихли, — мой легио просит от всех вас заявления о поддержке. Приходя к вам на помощь, мы нарушаем приказ, данный самим магистром войны, который предполагает, что Инвикта присоединится к нему на саббатском фронте через шестнадцать недель.

— Он будет расстроен, — произнес магос по имени Иган.

Крузий знал их всех. Его адаптированные глаза видели то, что не могли видеть присутствующие имперцы: описывающий все клубок ноосферы — зеленую ауру, которая переводила передачу данных в световые росчерки и прикрепляла над головой каждого присутствующего магоса спецификацию с именем, биографией, специализацией и жизненными показателями. Для Крузия, для всего персонала Механикус, собравшегося сегодня в огромном аудиториуме, воздух искрился колонками визуальной информации и синаптическим мерцанием обменов данными.

— Да, будет, — согласился Крузий, — но объяснительные заявления от старейшин Ореста должны сгладить его расстройство. Очень важно, чтобы магистр войны Макарот понял, почему мы свернули с курса. Раздоров между Механикус и магистром войны необходимо избежать.

— Я отправлю ему оправдательные пояснения до наступления ночи, — произнес губернатор Алеутон.

— Благодарю вас, сэр, — ответил Крузий.

— Я сделаю то же самое, — сказал адепт сеньорус, мучительно выдавливая слова непослушным языком.

— Еще раз примите мои благодарности, — повторил Крузий.

— Каковы ваши текущие силы, экзекутор? — спросил магос в красной мантии, поднимаясь из ряда позади адепта сеньорус. Ноосфера подсказала Крузию имя магоса: Кейто.

Несмотря на сделанное ранее заявление, экзекутор приоткрыл рот и ответил десятисекундной инфоговоркой мягких частотных скрипов из аугмиттера, расположенного под нёбом.

— Сорок восемь махин, — произнес Кейто, слегка подрагивая глазами в такт чтению данных, внезапно побежавших по сетчатке.

— Сорок девять, брат Кейто, — поправил Крузий, — если «Владыку войны» «Доминатус Виктрикс» удастся привести в боевую готовность. Ему тоже не терпится пойти.

— Заводы Антиума готовы принять его, — вступил другой магос. — Фабрикаторы пробуждены и полностью простимулированы. Учитывая ваши сводки о повреждениях «Доминатус Виктрикс», фабрикаторы рассчитывают успеть за восемь дней.

— Риза управилась бы за шесть, брат Толемей, — сказал Крузий, улыбаясь.

Адепт сеньорус пренебрежительно махнул одним из выполненных на заказ стальных манипуляторов:

— Риза есть Риза. Они все делают на день раньше, чем требуется. Ресурсы этой Кузницы более ограничены. Восемь дней.

— Восемь дней вполне удовлетворительно, — ответил Крузий.

— Инвикта сражалась с эльдарами? — спросил Иган. — Я вижу это в выгрузке. Восемь лет в скоплении Бельтран?

— На самом деле семь лет сражений, брат, — поправил Крузий. — Последний год потратили на перевозку. Бельтранская кампания была нелегким выходом. Эльдары производят искусные и быстрые махины. Мы потеряли восемь единиц.

— Я бы с большим удовольствием загрузил себе данные о пережитом вами в той войне, — произнес другой магос, по имени Талин. — И любая дополнительная информация будет очень кстати.

— Они ваши, — ответил Крузий. — Я выгружу все, что у меня есть, на ваши графты. Когда легион высадится, я отдам указания принцепсам передать все данные с орудийных камер в ваше архивное хранилище.

— Я целиком и полностью удовлетворен, — сказал Талин.

— Полагаю, что мы пришли к заключению, — констатировал Крузий. — Благодарю лордов за терпение. — Он снова поклонился. — Легио Инвикта в распоряжении Ореста.

>

— Но мы нарушаем приказ, — брюзжал фамулюс Зонне, семеня вслед за Крузием.

Они шли под открытым небом по длинной дорожке для процессий, соединяющей аудиториум с посадочным выступом. Ряды вычурно подстриженных кустов частично затеняли дорожку. Ниже уходили вдаль величественные постройки Ореста Принципал.

— Это ты к чему?

— Макарот будет кипятком писать, так ведь?

Крузий остановился и повернулся к фамулюсу:

— Конечно будет. Дополнение: где ты научился таким выражениям?

Зонне пожал плечами:

— Не знаю…

— Кипятком писать… Очень по-земному. Очень по-имперски. Каково наше правило?

Зонне вздохнул:

— Мы, Механикус, предпочитаем совокупность художественных приемов на канте и системном коде, а не в биологических выражениях.

— И?..

— У Макарота будет сильный выброс ошибочного шунта.

— Уже лучше.

Зонне фыркнул:

— Я думал, подготовка экзекутора предполагает, что мы должны усваивать и применять

биочерты немодифицированных, чтобы лучше понимать имперцев, с которыми ведем дела.

— Так и есть, — подтвердил Крузий, затем нахмурился. — Напоминает кусок из какой-то лекции.

— Одной из ваших. Шесть месяцев назад. Я сархивировал конспекты.

— Молодец.

Они пошли дальше.

— К тому же, — сказал Зонне, — выражение «писать кипятком» имеет определенную экспрессивность.

— Тут ты прав, — признал Крузий. Он взглянул на ученика: Зонне шел шестнадцатый год, и у него практически не было никаких разъемов. — Нелегко, должно быть, отказываться от стандартных усовершенствований?

— Я хочу стать экзекутором-фециалом, — ответил Зонне. — И знаю, чего это требует. На следующий год мне назначена установка амниотики, тонкой гаптики и рецепторов ноосферы.

Крузий улыбнулся:

— Уже? Рудиментарность: как будто только вчера тебя прислали ко мне для специализации, еще немодифицированного мальчишку.

— Я разочаровал вас, сэр? — спросил Зонне.

— Господи, нет, — ответил Крузий. — Продолжай в том же духе еще лет шестьдесят-семьдесят — и я порекомендую тебя на полную биовязку на звание экзекутора.

Зонне выпучил глаза:

— Шестьдесят-семьдесят?..

— Что, — подмигнул Крузий, — уж и пошутить нельзя? Бинарный юмор так приелся.

Зонне рассмеялся.

— Итак, возвращаясь к нашему разговору: да, Макарот будет писать кипятком. Тут мы ничего

не можем поделать.

— Потому что Орест — колония Механикус?

— Потому что Орест — колония Механикус и на нее напали. Так что магистру войны придется смириться с этим.

— За шесть тысяч лет, — сказал Зонне, — легио редко ослушивался эдиктов Империума.

— Перечисли мне даты и обстоятельства.

— Декантация: война на Лохрисе, 412.M35. Магистр войны Галливан отправил Легио Инвикта на Шакропал, чтобы остановить роение летидов. Геархарт отказался, мотивируя это напрасной порчей махин. Через год звезда Шакропала взорвалась, и летидов выжгло без нашего вмешательства. Это последний случай.

Зонне выглядел весьма довольным собой.

— Хорошо, — сказал Крузий. — Но в действительности тридцать восемь лет назад Геархарт отменил приказ магистра войны Хенгиса на Тальфусе-Семь.

— Что, правда? Правда?

— Хенгис был абсолютным безумцем. Нас вынудили в конце концов его уничтожить.

— Я об этом не знал, — сказал Зонне.

— Мы об этом не распространяемся. В архивах эта информация секвестирована. Зонне, что ты делаешь?

— Я инкантирую данные себе в буфер памяти.

— Не надо. Возражающий тон: это секвестировано. Разве я не сказал тебе только что, что это секвестировано? Очисти немедленно свой буфер и декантируй мне запись об очистке памяти.

— Извините.

Крузий моргнул, получив запись в свое ноопространство.

— Так-то лучше. Кстати, когда ты говоришь о нем, можешь хотя бы называть его «лорд

Геархарт».

— Извините, — повторил Зонне.

— Ничего. Зонне, наш легио функционирует почти двенадцать тысяч лет. Время от времени мы встречаемся с задачей, которая не оставляет нам выбора.

— Кроме как, например, заставить магистра войны Макарота «писать кипятком»? — спросил Зонне.

— Именно кроме как, например, заставить магистра войны Макарота «писать кипятком», — согласился Крузий.

>

Адепт Файст глотнул из прикрепленной к левому запястью трубки, идущей от пакета с питательной жидкостью, вздохнул и вернулся к работе. Пальцы его заплясали в теплом воздухе — тонкая гаптика, пронизывающая эпидермис, запускала и распределяла потоки данных в мире ноосферы у него перед глазами. Файст закрывал изображения, открывал другие, сканировал и складывал, увеличивал, сжимал и улучшал. Работа шла медленно: источники данных были сырыми, если не сказать сильнее.

— Извините, — повторил Зонне.

— Ничего. Зонне, наш легио функционирует почти двенадцать тысяч лет. Время от времени мы встречаемся с задачей, которая не оставляет нам выбора.

— Кроме как, например, заставить магистра войны Макарота «писать кипятком»? — спросил Зонне.

— Именно кроме как, например, заставить магистра войны Макарота «писать кипятком», — согласился Крузий.

>

Адепт Файст глотнул из прикрепленной к левому запястью трубки, идущей от пакета с питательной жидкостью, вздохнул и вернулся к работе. Пальцы его заплясали в теплом воздухе — тонкая гаптика, пронизывающая эпидермис, запускала и распределяла потоки данных в мире ноосферы у него перед глазами. Файст закрывал изображения, открывал другие, сканировал и складывал, увеличивал, сжимал и улучшал. Работа шла медленно: источники данных были сырыми, если не сказать сильнее.

<Сдвиг на двести восемьдесят, — шептал он ноосфере. — Стоп. Повернуть. Стоп. Увеличить до четырехсот. Стоп. Детализировать. Еще. Стоп. Улучшить квадрат восемнадцать. Наложить распознавание символов. Запрос совпадений>.

«Совпадений в архивах Ореста не найдено», — ответила ноосфера мягким зеленым свечением бинарного шрифта.

Файст снова вздохнул. Откинулся на спинку кресла и потер глаза. Аналитика опять работала на полную: девятьсот адептов и логисов трудились за своими когитаторами, словно колония общественных насекомых. Днем и ночью на протяжении месяца, с тех пор как началась война, посменные группы просматривали и обрабатывали всевозможные данные, полученные из районов боевых действий, какого бы то ни было качества, охотясь за любым намеком, за любым тактическим преимуществом. Воздух пах холодным металлом, нагретыми катушками и потом — человеческим потом и чудной секрецией адептов, прошедших модификацию жидкостных систем.

В этот вечер их отделом руководил магос Иган. Он бродил между занятыми делом адептами, проверяя каждую находку и странность. Иган поставил их двадцатерых на работу по строчному разложению всех сохранившихся снимков махин Архиврага — в основном съемок с орудийных камер и данных ауспиков целеуказания. Материал был низкого качества, по большей части нечеткий и порой обрывался в самый неподходящий момент.

«Вот что видели люди за секунды до своей смерти, — думал Файст. — Как страшно умирать, глядя на такое».

Целый час он пытался различить внешние детали на пикт-ленте, показывающей голову вражеской махины, приближающейся сквозь клубы дыма.

Ничего не получалось.

<Крузий, экзекутор-фециал Инвикты, лично поручил нам это задание, — объявил Иган на собрании перед сменой. В красной мантии, с тревожно извивающимися механодендритами, он обвел взглядом группу. Все они были избраны за свое великолепное мастерство обработки. — Мы ищем слабое место, братья и сестры, что-нибудь, что сможет помочь Инвикте, когда она начнет исполнение от нашего имени>.

<Что точно мы должны искать, магос?> — спросил молодой адепт рядом с Файстом.

<Идентификационные отметки. Эмблемы, особенно стертые или замазанные знаки, — прокантировал Иган. — Помните, эти подлые махины когда-то были нашими. Они потеряны для нас, но мы их создали, да простит нас Омниссия. Да, они подверглись изменениям и порче, это очевидно, но если мы сумеем хоть как-то идентифицировать или выделить исходную модель, систему или происхождение, то сможем поднять ранние спецификации, хранящиеся в архивах, и точно определить их характеристики или слабые места>.

<Вопрос: мы сохранили столь древние спецификации, магос?> — спросил Файст, подняв руку.

<Если их не сохранили мы, то можно запросить с Марса, адепт. Механикус никогда и ничего не удаляют>.

Все рассмеялись. На человеческом языке это звучало не очень смешно, но на бинарном канте фраза представляла собой тонкий цифровой каламбур, который поднял всем настроение. Иган старался заставить их оживиться и сосредоточиться.

<Вы устали, адепт>, — прокантировал Иган.

Файст поднял голову и обнаружил магоса за своим плечом.

<Я в порядке, магос, — возразил он. — Просто изучаю это изображение уже час…>

Иган улыбнулся ему:

<Рекомендация: не надорвитесь. Мне не нужно, чтобы вы истощили себя, Файст. Я вижу по вашим записям, что вы загружаетесь через высокоскоростной поток. Кора вашего мозга пострадает. Передохните несколько минут>.

<Я на самом деле в порядке, — повторил Файст. — Благодарю вас за заботу. Хочу закончить с этим — ради Кузницы, ради всех нас. Просто этот пикт никак не хочет отдавать свои секреты>.

Иган наклонился и заглянул через плечо Файста так, чтобы принять видимую им часть ноосферы.

<Загружаю. Вы улучшали?>

<Да, магос. Я прогнал его через все самые мощные модификаторы. Это «Разбойник»>.

<Да, никаких сомнений. Когда это снято?>

<Четыре дня назад в Гинексе. Данные с орудийной камеры «Стервятника». Видите вот здесь голову? Рядом с шейным сочленением? Здесь определенно были счищены какие-то метки>.

<Да, вы правы. Есть что-нибудь в архивах?>

<Никаких совпадений>.

Иган выпрямился и мягко похлопал Файста по плечу манипулятором нижнего левого механодендрита.

<Ладно, Файст. Вы сделали все, что могли. Беритесь за следующий. А то в самом деле прогуляйтесь и остудите голову. Затем уже беритесь за следующий>.

Файст кивнул:

<Хотел бы я, чтобы данные, которые мы получаем, были почище, магос>.

<Я бы тоже этого хотел>, — согласился Иган.

Файст указал на застывшее изображение:

<Еще две секунды — и запись прерывается помехами. Можно услышать, как человек кричит, словно…>

<Прогуляйтесь. Затем беритесь за следующий>, — снова посоветовал Иган.

Файст остался на месте посмотреть на изображение еще немного. Почему же в архиве не найдено никаких совпадений?

«Механикус никогда и ничего не удаляют».

Кратко, емко. И точно.

Если только…

Файст встал.

— Магос? — позвал он.

Иган, занятый с другим адептом, поднял голову и вернулся.

— Файст? Что такое?

— Мы никогда и ничего не удаляем.

— Да, это верно.

— А сколько мы секвестируем? — спросил Файст.

11

Вернувшись с долгой смены, он нашел ее в спальне, где она укладывала в сумку свои вещи. Несколько мгновений он не мог придумать ни единой причины, зачем это ей могло понадобиться. А затем увидел выражение глаз своей молодой жены.

— Нет, — прошептал он.

— Когда-нибудь это все равно должно было случиться.

— Не может быть.

— Когда-нибудь это все равно должно было случиться, Стеф, — повторила она.

— Когда? — спросил он.

— Сегодня ночью. В полночь. Уведомление на столе, — ответила она, продолжая собирать сумку с таким серьезным видом, будто это было самым главным в ее жизни.

— Не может быть, — повторил Стефан Замстак.

Уведомление — пластинка с текстом в пакете из фольги — лежало на небольшом пластековом столике в общей комнате, рядом со стопкой немытых чашек и половинкой полбового батона, хранимой до ужина в вощеной бумаге.

Стефан взял уведомление и прочел.

— О Трон! — выдохнул он.

Двойная смена в доках его совершенно вымотала, и по пути домой он хотел только одного — чтобы хватило энергии подогреть немного воды для помывки. А хотеть, оказывается, надо было совсем другого.

Он поднял голову и нашел глазами небольшую вотивную аквилу, висящую в домашнем алтаре. В бутылочке для приношений стоял свежий букетик цветов. Чем бы голова у Калли ни была занята, но поменять их она не забыла. Как и положено. Стефан почувствовал, как же чудовищно его подвела та сила, которую воплощал маленький бронзовый символ.

Замстаки жили на Оресте восемнадцать месяцев. Оба они выросли в провалах субулья на

Кастрии, в пяти месяцах перелета отсюда. Саббатский крестовый поход — кампания, которая, казалось, длилась вечно, — высасывал ресурсы из Кастрии с чудовищной скоростью. Планета превратилась в истощенную клоаку всеобщей преступности, коррупции и мрачного будущего. Для Стефана Замстака оставалось лишь два наиболее вероятных пути в жизни: либо тупая, тяжелая работа в кастрийских арсеналах, производивших снаряды для военных нужд, либо — Гвардия. С тех пор как двадцать четыре года назад начались Войны Саббат, девять с половиной миллионов молодых мужчин и женщин Кастрии отправились на фронт со сборных пунктов Гвардии.

Вместо этого, Стефан в поте лица трудился за расписки товарной пристани, бесплатно надрываясь в кастрийских доках, чтобы получить от своего начальника бумаги. Сдав на шестой разряд, он сразу же подал заявление на эмиграционный пропуск. Орест — процветающий мир-кузница ближе к системам Саббат — публично объявлял о том, что там требуются сертифицированные грузовые операторы для работы на отгрузке военного снаряжения. Обладателям соответствующих сертификатов Орест с готовностью предлагал подъемные и оплату переезда.

Орест обещал новую жизнь вдали от трущоб Кастрии. Со своими бумагами и стажем Стефан подходил автоматически. Ему нужно было лишь подать заявление на разрешение привезти с собой жену. На Калли, младшего клерка инфостанка, «бронь» от военной службы не распространялась, поэтому пришлось подчиниться нескольким условиям.

Серьезным из них было только одно. Калли Замстак была обязана проводить четыре недели в году на сборах резерва третьей очереди Сил планетарной обороны Ореста.

Некрупная и атлетичная Калли была добровольцем схольных кадетских сил на Кастрии, так что сборы ничем таким особенно страшным не казались. Ей, в общем-то, нравилось на неделю окунаться в атмосферу товарищества и командной работы в резерве СПО, выполнять упражнения, ходить в автономные походы по Астроблеме, заниматься строевой подготовкой.

— Ты понимаешь, что меня могут призвать, да? — как-то спросила она.

Он пожал плечами:

— Конечно, но с каких это пор дела настолько плохи, что вызовут резерв третьей очереди? Честно?

Стефан бросил пластинку обратно на стол. Она пролетела мимо и упала на пол. Он даже не стал ее поднимать. А ведь это собственными стараниями он завел жену на опасную дорожку.

— Я пойду на работу, — сказал он.

— Что? — спросила она из спальни.

— Я пойду на работу, переговорю с Райнхартом. Может, он сможет помочь.

— Он ничего не сможет сделать.

— Он ведь начальник в порту.

Она высунула голову в дверь:

— Стеф, твой начальник для них никто. Не надо его просить, пожалуйста. Я подписала бумаги. Такие были условия, и я согласилась. Так что заткнись и сделай мужественное лицо.

Он помотал головой:

— Ты — резерв третьей очереди, Калли. Третьей. С каких это пор призывают третью очередь?

— Значит, все очень плохо, — ответила она из спальни.

Он опустился на вытертый диван у стола и пробормотал:

— Не может этого быть.

В крошечной спальне Калли Замстак на секунду перестала собирать сумку. Руки у нее тряслись. Она закрыла глаза и стиснула зубы. Она знала, что Стефан отреагирует таким образом. Калли его любила, но иногда Стефан был сущим ребенком. Не его ведь забирают на войну. Не его посылают черт знает куда. Так почему его руки не обнимают ее? Почему он не шепчет успокаивающе, что все будет хорошо? Стефан был сильным. Физически. Она видела, как он поднимает ящики с грузом, словно пустые коробки, но там, где дело касалось их отношений, сильной половиной была она.

До прибытия на место сбора у нее оставалось меньше часа. И большую часть времени придется потратить на то, чтобы заставить мужа держать себя в руках.

— Стеф? Все будет хорошо, Стеф! — крикнула Калли.

Дрожь в руках никак не унималась.

Она села на сквозной маглев до Перпендикуляра и Конгресса, потом сделала пересадку на южный, который полз по низким, темным туннелям под Южным Принципалом, словно червяк, прогрызающий нору в земле.

Прощание вышло тяжелым. Стеф старался не плакать, но это у него не очень получалось.

Мучительно больно говорить «прощай», если не знаешь, когда вернешься.

Их маленькая квартирка в провале Мейкполь, если честно, была немногим лучше того жилища, что они делили на Кастрии. Но это было только начало, и здесь у них хотя бы имелись перспективы на будущее. Начальник Стефа, Райнхарт, обещал ему повышение, которое принесет им место для жилья получше — в новом микрорайоне Лорик, даже, может быть, четырехкомнатную с разрешением на детей.

Калли бы этого очень хотелось. Может быть, это еще впереди. Будущее вдруг стало таким размытым и непредсказуемым.

Она сошла с маглева в Контрапункте и поднялась по длинной мраморной лестнице на продуваемые ветрами наружные улицы. Она так никогда и не призналась Стефану, что ей не очень нравится на Оресте. Он не был похож на нормальный имперский мир. Механикус тут сновали повсюду, а это странный народ. Не из-за аугментики и бросающихся в глаза имплантатов — это все внешняя шелуха. Отношение — вот что. Совершенно отдельный вид. Словно две расы, живущие под одной крышей — вместе, но порознь.

Подходя к месту сбора, она заметила Голлу Улдану, шагающую в ту же сторону с сумкой на плече.

— Голла! — окликнула ее Калли, догоняя.

— Калли-детка! Дела, мать их, да? — ответила Голла, здоровенная сорокапятилетняя акушерка из внутренних жилых районов Принципала, и пожаловалась: — Я записалась в резерв повеселиться да подцепить себе миленка, а вовсе не для этого!

— Миленка? — переспросила Калли.

Голла пожала плечами:

— А что, я сильно ошиблась?

Обе прыснули.

— А как там твой миленок? — спросила Голла.

— Писал кипятком.

— Мужчины, такие чуткие и внимательные…

— Стеф не такой уж плохой.

— Чем бы ты себя ни тешила, сестренка…

Некоторое время они шли молча.

— Там совсем плохо, да? — подала голос Калли.

— С чего ты взяла?

— Если призвали третью очередь…

Голла кивнула:

— Должно быть, настоящий кошмар. Тут все дело в стратегии.

— Да?

Голла закатила глаза:

— Калли, ну ты наивная! Это дерьмище вот-вот должно было выплеснуться. Кузница Ореста — один из главных миров, снабжающих весь долбаный крестовый поход! Да, мишень — мы! Только я думала, ну знаешь, что магистр войны в своей бесконечной мудрости, может быть, прикроет нас.

— А я слышала, что это махины, — сказала Калли.

— И все остальное, — добавила Голла. — Военная техника, все дела, но есть и хорошие новости.

— Хорошие?

Голла снова кивнула:

— У меня есть друг, у которого есть друг, который знает одного парня в протокольном отделе… В общем, прошел слух, что лорд-губернатор встречался сегодня днем с экзекутором из другого легио.

— Правда?

— Он сказал: Инвикта. Целый легион титанов идет, чтобы спасти наши жирные задницы. Здорово?

— Еще бы не здорово.

Голла улыбнулась:

— К тому же у меня особенно чешется на этих красавцев-модератиков.

— Ты ужасная личность, Голла, — констатировала Калли.

— Лови, — офицер бросил Калли Замстак лазвинтовку МК2-ск.

Она поймала.

— Изучай, привыкай, — сказал офицер.

Вот так все просто.

Четыре сотни резервистов собрали в обшарпанном муниципальном здании, реквизированном для сборов. Интендант СПО выдавал обмундирование и боеприпасы. Обалдевшие, растерянные мужчины и женщины бродили вокруг с полными охапками снаряжения.

— Простите, — спросила Голла Улдана, — не знаете, надолго нас пошлют? А то я мясо на плите тушиться оставила.

— Пока все не закончится, — ответил офицер. — Они давят нас повсюду. Южные ульи горят. Мы потеряли восемь тысяч СПО за два дня. Как тебе, еще смешно?

— Уже нет.

— О Трон! — прошептала Калли Замстак.

>

Резиденция лорда-губернатора находилась на самой вершине Ореста Принципал, и закат всегда добирался сюда немного позже. Пока огромный улей внизу погружался в сумерки и ночь, солнечный свет все еще цеплялся за верхнюю башню.

Ожидая в вестибюле назначенной встречи, Этта Северин наблюдала через затемненные окна-

бойницы, идущие от пола до потолка, затянувшийся закат. Все было омыто тусклым сиянием табачного цвета. Словно солнце, признавая авторитет лорда-губернатора, задерживало свои лучи ради него как можно дольше.

Этта подошла к окну и прижалась лбом к стеклу, чтобы можно было глянуть вниз. Под ней, в собравшейся ночной тьме, которая еще не добралась сюда, колоссальный улей пропал, если не считать триллионов булавочек света, рассыпанных, словно звезды.

Этту Северин, консульского работника с двадцатилетним стажем, приписанного к Торговой службе Мунитorума, было нелегко удивить, но зрелище было действительно впечатляющим. Она напомнила себе, как много времени в жизни потратила, сидя над бумагами и инфопланшетами, ведя светские разговоры с капитанами кораблей и торговыми представителями, обсуждая тарифы и остатки в комнатах без окон, и как мало — глядя широко открытыми глазами на мир.

Она вздохнула. Не помогало. Принудительное восхищение видом из окна, специально вызванные мысли о том, что качество жизни можно и улучшить, если только немного отвлечься, — были лишь упражнением, некоей умственной игрой, предназначенной для того, чтобы при помощи ближайшего окружения снять стресс. Вид был великолепен, но расслабиться все равно не получилось.

Лорд-губернатор прислал приглашение. И теперь она ждала, когда он соизволит ее принять.

— Мамзель?

Северин не услышала, как вошел сервитор. Она отпрыгнула от окна, чувствуя себя глупо из-за того, что ее поймали с по-ребячески прижатым к стеклу лицом.

— Да?

— Лорд-губернатор ждет вас, — произнес сервитор голосом тихим, словно шорох горящей бумаги. Сделан он был искусно, кожух покрыт золотом, напоминая пустое лицо ангела. — Лорд-губернатор приносит свои извинения за то, что заставил вас ждать.

Этта милостиво кивнула. Ее терзала страшная мысль, не осталось ли на лбу от прижимания к стеклу красного пятна.

— Сюда, пожалуйста, — произнес сервитор.

Он повел ее из вестибюля в застеленный ковровой дорожкой коридор, мимо нескольких групп губернаторских телохранителей в полной защитной экипировке, через два огромных и шумных зала, где с крайне деловым видом толклись референты и адепты. Работа здесь не утихала. В военное время ведомства лорда-губернатора трудились до поздней ночи, насколько поздно бы

она тут ни приходила. Северин заметила среди сотрудников Муниторума, старших членов Экклезиархии и Телепатикус и местной знати несколько высоких чинов из СПО и как минимум трех генералов Имперской Гвардии — все из орестских частей. Они путались везде, просматривая данные, делясь мудростью, требуя подтверждений и свежей информации. Референты и сервиторы сновали туда-сюда, разнося коммюнике, свежезагруженные планшеты, свернутые карты и подносы с кофеином. Царила атмосфера занятости, неотложности и серьезности. Прекрасные старинные бюсты и бесценные картины, украшающие эти грандиозные залы, глазели на толчею в молчаливом изумлении. Но никому до них не было никакого дела.

Сервитор привел Северин к двойным дверям из темной древесины нала. Створки были вдвое выше, чем следовало бы. У дверей на посту стояли два телохранителя. Она узнала обоих: майора Готча и майора Ташика, подчиняющихся только сеньору Френцу, главе губернаторских телохранителей. Она встречала их на всяких официальных церемониях, где они сопровождали лорда-губернатора. Их физическая мощь ее пугала. Два здоровяка, бывших штурмовика Гвардии, в безупречных малиновых мундирах, черных тиковых брюках, серебряных кирасах и блестящих клювастых шлемах с кринетом из белых перьев. У Готча по правой щеке, рассекая губы, шел впечатляющий шрам в форме подковы. За плечами у обоих висели хромированные хеллганы. То, что лорд-губернатор поставил двух из своих самых лучших людей стеречь его двери, говорило о многом.

— Ее ждут, — произнес сервитор.

Готч шагнул вперед:

— Я знаю. Добрый вечер, мамзель Северин.

— Добрый вечер, майор. Надеюсь, у вас все хорошо?

— Сыт уже этим по горло. Прошу прощения, мамзель. Таков порядок.

Северин кивнула и протянула свою биометрику, позволив считывающему жезлу «обнюхать» ее.

— Не сделаете ли пируэт?

Она улыбнулась и медленно, робко повернулась кругом, пока Готч водил жезлом вверх-вниз по ее фигуре. По обеим сторонам от дверей на стенах висели тяжелые зеркала, и, поворачиваясь, она мельком уловила свое отражение. На лбу, слава Трону, никаких красных пятен не было. Она увидела статную женщину сорока восьми лет, одетую в строгое платье и пелерину из серой шерсти, застенчиво поворачивающуюся, пока великан с белой кокардой водит датчиком вдоль ее тела. Рыжие волосы, коротко, по-деловому подстриженные, в зеркале смотрелись неплохо, а деньги, которые она заплатила за недавние омолаживающие процедуры, были потрачены не зря. Ни единого изъяна, ничего не провисает, полные губы, искусно выщипанные брови, глаза, за которые умрет любой мужчина.

Ну, не то чтобы кто-то уже умер, конечно.

— Все в порядке, — сказал Готч, отключив жезл и сунув его в кобуру.

— Вы ждали чего-то другого? — спросила она, отважно рассмеявшись.

Готч улыбнулся в ответ. Улыбка из-за шрама вышла несколько кривой.

— Таков порядок, мамзель. Лишняя осторожность не помешает. Сейчас любой может украсть чье-то лицо.

— Да, я слышала, — откликнулась она.

— За ваше им пришлось бы выложить немало, — добавил он.

Северин промолчала и залилась румянцем. Это флирт или упрек за дорогостоящее омоложение?

Пока она искала, что ответить, майор Ташик нажал кодовую кнопку на стене, и тяжелые двери открылись, гудя электромоторами.

Все еще улыбаясь своей рассеченной улыбкой, Готч с поклоном пригласил ее внутрь.

— Благодарю вас, майор, — ответила она.

Внутренним кабинетом лорду-губернатору служил огромный круглый зал со световыми люками наверху, через которые, словно мед, сочился свет заходящего солнца. У одного края зала, за гигантским столом из позолоченной бронзы, стоял обитый кожей трон с высокой спинкой. Позади него висел официальный портрет Франца Хомулка, первого губернатора Ореста. В углах потолка парили светосферы. Гололитические стенные панели беззвучно прокручивали потоки данных и новостные выдержки со всех территорий.

Алеутона за столом не было. Он сидел посреди гнезда из кожаных диванов слева от нее, негромко переговариваясь с древним, трясущимся старцем в белоснежных одеждах. Северин узнала старика с первого взгляда: Каспар Луциул, прелат экуменик Министории Ореста. Экклезиархальные служки в длинных платьях предупредительно вытянулись за диванами; наверху парили страж-дроны. Рядом ждала великолепная шагающая карета из красного дерева, похожая на исповедальную будку на паучьих ногах.

— Мамзель Северин, — провозгласил сервитор.

Дроны взвились при звуке его голоса, активируя свое термобарическое оружие. Некоторые надули ангельские щечки и зашипели.

— Отставить, — произнес прелат с легким взмахом пурпурной перчатки.

Серафимы отлетели обратно. Северин пришла в голову мысль, что колец на пальцах старика многовато.

— Этта, как хорошо, что ты пришла, — произнес, поднимаясь, губернатор Алеутон.

«Как будто у меня был выбор», — подумала она.

— Не смею вас больше задерживать, ваше высокопреосвященство, — обратился Алеутон к прелату. — Благодарю вас за уделенное время и внимание.

Луциул поднялся, его движения сопровождало жужжание скрытой аугментики.

— Всегда приятно поговорить откровенно, Поул, даже в такое время. Экклезиархия безоговорочно на твоей стороне. Я верю всем сердцем, что ты не оставишь Орест в этот трудный час.

Он протянул руку. Лорд-губернатор склонился и запечатлел поцелуй на золотом кольце Творца Варна.

— Император защитит, — произнес прелат.

— Я вверяю себя, как и всегда, Трону Терры, — откликнулся Алеутон.

При помощи служек Луциул с трудом забрался в свою шагающую карету. Серафимы с жужжанием вились сверху. Служка закрыл дверь, и машина пришла в движение, клацая по плиткам пола. Служки окружили карету, один из них принялся размахивать кадилом. Луциул неторопливо направился к выходу из зала, серафимы полетели следом восходящей вереницей, словно ноты на нотном стане. Проходя мимо Северин, прелат остановил карету.

— Мамзель, — произнес он, глядя через плетеную узлами ширму. Его морщинистое лицо напоминало грецкий орех. Этта ощутила сладкий запах елея.

— Ваше преосвященство, — ответила она с поклоном.

— Император с тобой, дитя мое. Я полагаю, у лорда-губернатора есть для тебя работа. Служи ему, как родному отцу.

— Я исполню свой долг, ваше преосвященство, — сказала она.

Ее отец, владелец внутрисистемного торгового флота, увлекался «веселыми камнями» и не стеснялся пускать в ход кулаки. Так что Северин собиралась послужить лорду-губернатору гораздо лучше, чем своему старику.

За прелатом и его свитой закрылись наловые двери.

— Этта, — позвал лорд-губернатор.

— Милорд.

— Подойди, присядь.

Лорд-губернатор был облачен в тяжелые белые доспехи Гордой гвардии Ореста. Когда он сел, стало видно, как ему неудобно.

— Длинный был день, — признался он. — Я обычно одеваюсь так только для официальных случаев.

— Вы выглядите очень представительно, сэр, — сказала Северин, присаживаясь напротив.

— Спасибо. Правда выгляжу?

— Да, — ответила она. — Достойно и по-королевски.

— Что ж, слава Трону. Если Орест сгинет в огне, я по крайней мере смогу умереть, выглядя достойно и по-королевски.

Алеутон несколько секунд рассматривал плитки пола, затем поднял взгляд на Северин.

— Прошу меня простить, Этта. Длинный был день. Как ты, наверное, знаешь, мы увязли в этом по самую шею.

— Я посвящена в некоторые детали, сэр, — сказала она. — И знаю, что ситуация в южных ульях достигла критического уровня.

— Они громят нас, Этта, — вздохнул он. — На нас обрушилась война, а мы оказались неспособны с ней справиться. Три часа назад я подписал указ о призыве третьей очереди резерва СПО.

— Прошу меня простить, Этта. Длинный был день. Как ты, наверное, знаешь, мы увязли в этом по самую шею.

— Я посвящена в некоторые детали, сэр, — сказала она. — И знаю, что ситуация в южных ульях достигла критического уровня.

— Они громят нас, Этта, — вздохнул он. — На нас обрушилась война, а мы оказались неспособны с ней справиться. Три часа назад я подписал указ о призыве третьей очереди резерва СПО.

— Третьей? О боже!

Алеутон кивнул:

— Дошло уже до этого. Ох, бедняги! Среди них нет ни одного приличного вояки, но я должен исполнять свой долг.

— Как я поняла, Легио Темпестус вступил в бой с врагом, сэр.

Алеутон откинулся назад и вздохнул:

— Восемь дней назад. Их бьют по всем фронтам. Двадцать две махины — все, что Макарот позволил нам держать для постоянной обороны. У врага сил как минимум всемеро больше. — Он дотянулся и взял стопку бумаг с черной каймой. — Видишь это? Извещения о смерти. Восемь штук. Восемь махин мертвы. О чем тебе это говорит?

— О том, что Механикус Ореста, должно быть, в трауре, — ответила Северин. — И что мы несем унизительные потери. И что магистр войны Макарот оставил нас практически беззащитными ради своей погони за славой.

Алеутон пожал плечами.

— Ты точно не военный советник, Этта? Потому что именно об этом твердят мне мои советники. Двадцать две махины. Этого явно недостаточно для охраны мира-кузницы. Макарот выжал нас до капли и бросил на съедение волкам.

Она улыбнулась и спросила:

— Зачем я здесь, сэр?

Алеутон отбросил бумаги на другой край дивана.

— Сегодня, благодаря Трону, мы заручились военной помощью другого легио — Инвикты. Он был на пути к саббатскому фронту. У них сорок восемь махин. И они согласились изменить курс, чтобы поддержать наши усилия.

— Слава Трону, — произнесла Северин.

— Это сможет изменить ход войны, — продолжал Алеутон. — Будем надеяться, что сможет. Инвикта приземлится через два дня, если позволят условия.

— Вы не ответили на мой вопрос, сэр. Зачем я здесь?

— Кто самый важный человек на Оресте, Этта? — спросил он.

— Конечно вы, лорд-губернатор. Вы правите этой системой и всем, к ней прилегающим.

Алеутон улыбнулся.

— Хотел бы я, чтобы это было так. Орест — Кузница, Этта. Здесь правят Механикус. Мою власть, собственно — само имперское присутствие — здесь только терпят.

— Механикус служат Трону Терры, — непонимающе сказала Северин.

— Механикус — отдельная раса, — поправил Алеутон. — Они действуют по собственному разумению, и счастье Империума, что их замыслы совпадают с нашими. С самого начала этой эры мы — два человеческих вида, идущие к общей цели.

Северин медленно прошептала:

— Я понимаю, что у нас есть отличия. Трон знает сколько я потратила времени, пытаясь обсуждать соглашения с магосами. Они очень замкнуты. Но по правде говоря, они так же верны Императору, как и мы. Ведь так, сэр?

Алеутон подал знак ожидающему приказов сервитору:

— Амасек, одну порцию. Этта?

— Спасибо, ничего не нужно, сэр.

Сервитор с важным видом отправился выполнять поручение.

Алеутон подался вперед:

— Марс — совершенно отдельная от Империума организация. Мы действуем сообща, мы зависим от их технологий, но они не имперские подданные. В критический момент… — Он умолк.

— Что, сэр? — спросила она.

Сервитор внес амасек на золотом подносе. Алеутон пригубил напиток.

— У меня нет никаких сомнений, Этта, что Механикус порвут с нами, бросят нас в тот самый момент, как почувствуют, что идеалы Империума идут вразрез с традициями Марса.

Она откинулась назад. Сервитор нависал над спинкой дивана.

— Не найдется ли у вас немного крепленого вина? — попросила она. — Или сакры?

— У нас есть запасы танитской сакры, мамзель, — ответил сервитор. — Десяти- или двенадцатилетней?

— Двенадцати-, пожалуйста. — Северин смотрела на Алеутона, пока сервитор не ушел. — Все в самом деле так серьезно?

Алеутон кивнул:

— Все это быстро превращается в войну Механикус. Махины против махин. И хотя на кону наш мир и наши жизни, свое спасение мы вверяем в руки магосов. Я чувствую себя беспомощным. Я должен знать, что происходит. И хочу, чтобы ты стала моими глазами и ушами.

— Как? — спросила она.

— Инвикта прислала к нам своего представителя, экзекутора-фециала. Подробности о нем собраны здесь. — Алеутон перебросил Северин инфопластинку. — Крузий. Он вроде нормальный парень. Я хочу, чтобы ты вошла в его штат в качестве назначенного мною наблюдателя. Распоряжения я уже сделал.

Она удивленно распахнула глаза.

— Сэр, но военный советник явно подошел бы больше. Гвардей…

Он помотал головой.

— Я уже думал об этом. Генерал Паске изъявлял желание, но военного советника оттеснят в сторону и ни к чему не подпустят. Ты из Муниторума, торговый представитель. От тебя они ничего скрывать не будут. Ты будешь сопровождать экзекутора в поле и отчитываться напрямую мне. Имперской части Ореста нужно знать, что происходит.

Сервитор вернулся с вином. Северин залпом проглотила напиток и сказала:

— Я сделаю все, что в моих силах.

— Я так и думал. Мне очень жаль, что приходится просить об этом тебя.

— Я сделаю все, что в моих силах, — повторила она, поднимаясь с дивана.

Алеутон тоже встал.

— Спасибо, Этта.

— Император защитит, — ответила она.

— Конечно, но я все равно позаботился о твоей безопасности. Тебя будет сопровождать майор Готч.

— Готч? — переспросила она, улыбаясь. — Великолепно.

>

До рассвета еще оставался час или два, но Эрик Варко сомневался, что за это время появятся добрые вести. Его танки неслись по Проспекторскому шоссе на бешеной скорости, выбрасывая из-под гусениц фонтаны брызг. Они гнали без фар, только по ауспикам. Участки широкой магистрали — главной связующей дороги между ульем Аргентум и Западной протекцией — были перепаханы бомбардировкой так сильно, что дивизиону иногда приходилось сворачивать на обочину и ехать параллельно дороге по склону насыпи и грязной придорожной канаве, чтобы не терять скорости.

Подпрыгивая на сиденье в турельной башенке, Варко одним глазом следил за детектором угроз, а другим — за тусклым зеленым указателем, мигающим в центре мутного экрана топографического считывателя. Это вместо того, чтобы воспользоваться локатором. Девять дней боев научили бойцов Орестской Гордой шестой бронетанковой не доверять воксу и поисковым сигналам. Враг слушал.

В темной кабине «Покорителя» было страшно жарко. Варко чувствовал запах собственного тела даже сквозь пары топлива и масла. Он не мылся неделю и носил тот же самый комплект

обмундирования, что получил одиннадцать дней назад.

— Подъезжаем, шеф, — послышался из темноты снизу голос водителя.

— Вижу, — откликнулся Варко. — Подать сигнал колонне, только прожектором. Затем останавливаемся. Мотор не глушить.

— Я надеялся отключить силовую установку, чтобы осмотреть ту заклинившую заслонку, — произнес Кодер, технопровидец танка.

— Отставить! — приказал Варко. — С этим придется подождать. Помнишь, что я говорил про ситуации с отключенной силовой установкой?

— Помню, капитан, — с сомнением ответил Кодер.

— Вот и хорошо, — сказал Варко.

Если они заглушат силовую установку «Покорителя», перезапуск может занять целую минуту, а то и больше, не считая задержки на перерисовку электронной карты и умилостивление машинных духов; и если запахнет жареным, этого времени у них не будет. Кодеру это известно. Долбаные Механикус, для них всегда главное — железки.

— Добавление: я беспокоюсь о минимально допустимом уровне топлива, — сказал Кодер.

— Знаю я, знаю, — резко ответил Варко.

— Если мы стоим с работающим двигателем, мы сжигаем топливо, — продолжал технопровидец.

— Сделай одолжение, — попросил Варко, — не разговаривай со мной какое-то время.

По колонне прошел ответный световой сигнал — от верхнего прожектора к верхнему прожектору, — и конвой начал замедляться, гусеницы вспенивали лужи, собравшиеся в разломах дорожного покрытия.

«Покоритель» Варко, «Главная стерва», с урчанием остановился на роккритовой обочине шоссе. Варко откинул верхний люк и выбрался в ночь, которая словно потела дождем.

Он коротко окинул взглядом вытянувшуюся сзади линию бронированных машин, подчиненных его командованию. Влажный воздух прибивал нефтехимическую вонь выхлопов. Низкое небо было горячего, темно-коричневого цвета; янтарный туман укрывал разбитый ландшафт. Где-то

там, в двадцати километрах позади, притаился невидимый улей Аргентум. Улей Аргентум. Город-губка. Кто-то придумал это прозвище несколько дней назад, и теперь все его так называли. Город-губка, потому что он впитал всю ту кару, что иначе обрушилась бы прямо на Орест Принципал. Южные ульи и пригороды лежали в руинах, и Аргентум остался единственной преградой между врагом и сердцем Ореста.

Варко соскользнул по мокрому металлу башни на спонсон и спрыгнул в грязь. Ноги едва держали. «Засиделся я, — подумал Варко. — Сколько часов, сколько дней назад последний раз ходил на своих двоих?»

Он размял ноги, чтобы избавиться от мурашек; обратившись к танку, почтительно осенил себя аквилой, благодаря машинных духов за неусыпное покровительство, и коснулся небольшого медальона Омниссии, прицепленного к боковой броне на счастье, после чего потрусил по мокрому роккриту к кучке жилпалаток, разбитых у дороги. Рядом с палатками стояли машины: легкие бронетранспортеры, «Химера» и пара красных катков Механикус — высокобортных гусеничных машин с толстой броней.

Он глянул мельком на открытое шоссе. Широкое и пустое, оно было изрыто воронками. Раньше, в лучшие времена, Варко часто патрулировал тут. Привык видеть шоссе при дневном свете, забитое тяжелыми грузовиками, катящими из Проспекции с грузом минеральной руды. А сейчас оно выглядело отчаянно заброшенным.

Варко побежал к палаткам. На плечах ощущались теплые капли дождя, и до него дошло, что он так и остался раздетым по пояс: жетоны прыгают возле горла, а бежать мешают подбитые штаны, высокие шнурованные ботинки и тяжелый пояс со снаряжением. Возвращаться за курткой и фуражкой уже было некогда.

Часовые в белых доспехах Гордой шагнули к нему, поднимая штыки.

— Варко, командир шестой ОГБ из Аргентума, — назвался он.

— Предъявите вашу биометрику, — потребовал один из часовых.

Варко ткнул пальцем в урчащий, взревывающий двигателем танк за спиной:

— Полагаю, это доказывает, что я тот, за кого себя выдаю, — произнес он.

— Да, сэр, — часовые шагнули в стороны.

Варко вошел в жилпалатку и возвестил:

— Капитан Варко!

— Полковник Габерс, — ответил плотный мужчина в белой полевой форме, тут же подойдя к нему.

Оба осенили себя аквилой и пожали друг другу руки.

— Тяжелый был переход? — спросил Габерс.

— Переход бывает тяжелым, если только позволить ему стать таковым, сэр, — ответил Варко.

Габерс провел его к портативному столику с картами, установленному в центре жилпалатки. С потолка на крюке свисала химлампа, освещая три фигуры, склонившиеся над картами.

— Вам не мешало бы побриться, солдат, — дружелюбно попенял Габерс.

Варко потер колючий подбородок.

— Не мешало бы, сэр. А еще душ, плотный обед, часов двенадцать сна, много амасека и разок живительного, раскованного общения с фигуристой девчонкой. Но думаю, вы не собираетесь мне помочь ни с одним из вышеперечисленного.

Габерс хмыкнул:

— К сожалению, капитан.

Он простер руку, представляя остальных.

— Яэль Хастрик из Тактики.

— Привет, Эрик. Как самочувствие?

— Неплохо, Яэль, — ответил с улыбкой Варко, пожимая руку тактику.

— Фон Мас, мой адъютант.

— Капитан Варко, рад знакомству, — отчеканил молодой адъютант, отдавая честь.

— И магос-логис Стравин из Легио Темпестус.

Стравин была высокой, суровой женщиной в красном платье. Левую сторону ее лица закрывала

маска гравированной черным бионики. Магос коротко поклонилась Варко и сложила пальцы в знак сцепленных шестерней Культа Омниссии.

— Капитан.

— Магос. Позвольте выразить восхищение тем, как прекрасно делает свою работу ваш легио в этот тяжелый час, — сказал Варко.

Стравин растерялась.

— Мы окружены, капитан, и наши махины несут ужасные потери. Я…

Габерс тревожно откашлялся. Его адъютант и Хастрик неловко зашаркали.

— Прошу прощения, — извинился Варко. — Это сарказм. Я думал, вы поняли.

— А! — сказала Стравин. — Обрабатываю. Поняла. Сарказм — манера поведения немодифицированных, которую мы, Механикус, находим трудной для распознавания.

Варко пожал плечами:

— Надо вам почаще выходить на улицу.

— На улицу? — переспросила магос.

— Он опять шутит, — вмешался Габерс. — Давайте продолжим.

— Нет, — возразила Стравин. — Я желаю разобраться. Капитан, я распознала враждебность с вашей стороны. Критику Кузницы Механикус.

— Ну вот, — произнес Варко. — Не так уж это трудно, правда?

— Капитан Варко! — рявкнул Габерс. — Хотя я с готовностью принимаю в расчет тяжесть того, через что вам пришлось пройти, сейчас не время и не место для…

— Полагаю, как раз наоборот, полковник, — прервала его Стравин. — Если не сейчас, то когда? Капитан?

Она взглянула на Варко. В рифленой глазнице светился искусственный глаз. Живой глаз просто не мигал.

— Выскажитесь открыто.

Варко уставился на нее в ответ.

— Я потерял пятнадцать экипажей. Мы идем вслепую, подпрыгивая от любой тени на ауспике. Их машины давят нас повсюду. Танки против махин? Не соперники. Не поэтому ли мы полагаемся на Кузницу? Чтобы она защищала нас?

— Конечно, — ответила Стравин.

— Так где Легио Темпестус? Знаменитый, прославленный Легио Темпестус? Где долбаные титаны? Такое ощущение, что мы ведем эту войну одни.

— Теперь я поняла, — произнесла Стравин. — Вы считаете, что Механикус подвели вас?

— Это мягко говоря, — подтвердил Варко.

Стравин кивнула:

— Я разделяю ваш гнев. Механикус действительно подвели вас. Подвели мир-кузницу Орест. Наши ресурсы прискорбно скудны. Легио Темпестус укомплектован лишь символически. Он едва способен противостоять выпущенным против нас силам противника. Постоянные требования магистра войны истощили наши ресурсы и силы. Кузница Ореста встретила врага ослабленной.

Варко моргнул. Он никогда не думал, что представитель замкнутых и осторожных Механикус будет говорить столь откровенно.

— Кого же тогда винить? — спросил он. — Макарота?

— Можно винить магистра войны за его требования, — ответила Стравин. — Можно винить адепта сеньорус за его решение отправить так много сил Кузницы с планеты. Но обвинять — это свойство немодифицированных, для нас оно — роскошь. Задерживаться на этом вопросе — напрасная трата времени. Мы на войне — и должны сосредоточиться на текущих делах.

— Отлично сказано! — с энтузиазмом воскликнул Габерс.

— Ваша критика отнюдь не неуместна, капитан, — продолжала Стравин. — Не могу сказать того же о вашем сарказме. Он чужд мне. Вы должны знать, что Легио Темпестус, в неполном составе, как он есть, сражается на передовой с первого дня. Темпестус уже понес потери в пятьдесят три процента состава.

Варко вздохнул. У него было такое ощущение, словно ему на плечи медленно опускается весь вес «Главной стервы».

— Я приношу свои извинения, магос, — сказал он. — Я был бестактен, и мой сарказм непростителен.

— Человек, говорящий правду, не должен чувствовать необходимости просить прощения, — возразила Стравин. Живая часть ее лица вроде бы дружелюбно улыбалась, но нельзя было точно сказать, насколько улыбка искренняя. Гравированная половина никаких эмоций не выражала. — Я не имею права обсуждать подробности, — произнесла магос, — и полагаю, что все вы будете держать это при себе. Но я хочу, чтобы вы знали: скоро прибудет еще один легио — легио, готовый к войне.

Варко кивнул:

— Хвала Трону!

— Трон не имеет к этому никакого отношения, — опять возразила Стравин.

— Не вернуться ли нам… э-э-э… к картам? — с надеждой поинтересовался Габерс.

— Это будет разумно, — на этот раз согласилась магос.

Они окружили подсвеченную снизу поверхность стола. Стравин протянула руку, указывая на какие-то подробности. Варко со скрытым отвращением заметил, что два пальца на ее руке заменены извивающимися серебряными механодендритами.

— Данные говорят о том, что махина двигается через руины Шалтарского перерабатывающего тут. Она уже уничтожила хранилища руды и жилища рабочих в Иеромихе. «Владыка войны» Легио Темпестус, «Аннигилюс Вентор», преследует ее вдоль этого вектора, надеясь внезапно перехватить тут и добыть чистую победу.

— Где вступаем мы? — спросил Варко.

— Вражеская махина идет быстро, — ответила Стравин. — И похоже, есть реальная опасность, что она обгонит «Аннигилюс Вентор». Гордой шестой бронетанковой вменяется в задачу войти здесь, через реку, и групповым огнем заставить махину отвернуть. Повернув, она выйдет прямо на нашего «Владыку войны».

— Вы думаете, нам это удастся? — поинтересовался капитан.

— Я знаю, что вы сможете, — заверила магос. — Дополнение: Механикус будут благодарны за

любые данные пикт-съемки, какие вы только сможете собрать.

— Зачем?

— Эти махины были когда-то нашими. До Грехопадения они принадлежали нам. Данные пикт-съемки могут помочь нам опознать их и найти слабые места.

Варко кивнул:

— Я знаю, что вы сможете, — заверила магос. — Дополнение: Механикус будут благодарны за любые данные пикт-съемки, какие вы только сможете собрать.

— Зачем?

— Эти махины были когда-то нашими. До Грехопадения они принадлежали нам. Данные пикт-съемки могут помочь нам опознать их и найти слабые места.

Варко кивнул:

— Договорились, леди.

— Благодарю вас, капитан.

Варко вытащил из подсумка планшет и быстро сосканировал данные со стола.

— Император защитит, — произнесла Стравин.

— Даю вам слово, — откликнулся Варко.

Он отдал честь Габерсу и пожал руки Хастрику и адъютанту. Затем повернулся к Стравин и неуклюже сложил пальцы в знак сцепленных шестерней.

— Правая сверху, — поправила она.

— Прошу прощения, — извинился Варко, меняя руки.

Стравин сотворила знамение с привычной легкостью.

— Сохраняйте жизненные показатели, капитан, — пожелала она.

— Постараюсь изо всех сил, магос, — ответил Варко.

Он выскочил обратно под дождь, взобрался на боковую броню «Главной стервы» и крикнул:

— Заводи!

Усевшись на свое железное сиденье, захлопнул люк и пристегнулся.

— Поехали! Дайте сигнал колонне: походный порядок, следовать за мной.

— Есть, сэр!

Двигатели «Покорителя» взревели, из выхлопных отверстий вылетели струи сизого дыма.

Варко воткнул планшет в бок ауспика и переписал данные.

— Есть вектор цели, — сказал он, надевая наушники. — Зарядить фугасный, прицел свободный, ждать моей команды.

— Есть! — одновременно крикнули стрелок и заряжающий.

— Покатили! — скомандовал Варко.

«Покоритель» прыгнул вперед, резко забирая вправо. Колонна ожила и помчалась следом. Варко при помощи верхнего прожектора просигналил короткие инструкции и стал ждать подтверждений.

— Вы кажетесь… повеселевшим, — заметил Кодер.

— Я только что узнал, что мы победим.

— Победим? — переспросил технопровидец.

— Подожди — и увидишь, — ответил Варко.

>

По броду из секций рухнувшего роккритового моста танки перебрались на топкий противоположный берег реки. Сейчас можно было рискнуть воспользоваться воксом и

выяснить, вся ли группа в порядке и на месте.

— Варко — всем единицам, — проговорил капитан в трубку вокса. — Полагаю, фугасные заряжены. Мы загонщики, ясно? Все, что мы должны сделать, — это спугнуть и оттеснить добычу назад. Никакого геройства. Я повторяю, никакого геройства. Только групповой огонь.

Один за другим экипажи передали по воксу подтверждения.

«Покорители» натужно взобрались по склону и перевалили через гребень.

Открывшаяся равнина была залита огнем. Пылали десятки прометиумных скважин, окруженные озерами из горящего топлива. Воздух, освещаемый пожарами и забитый продуктами горения, стал желтым и практически непрозрачным. Среди огненных волн торчали скелеты разбитых буровых вышек. Ночное небо, полное летящих искр, приобрело цвет старой соломы.

— Держать курс, — приказал Варко.

— Пикт-съемка включена, — доложил Кодер. — Орудийные камеры работают.

— Где ты, скотина? — шептал Варко, глядя на дисплей детектора угроз. Тепловой след от пожаров вокруг сбивал с толку датчики движения. — Гордая шестая, рассредоточиться!

Танки вокруг «Главной стервы» разошлись веером — стволы задраны кверху, целеуказатели ищут добычу. С глухим рокотом машины сползли по склону очередного озерца пылающего топлива. Огонь расступился перед ними, словно театральный занавес.

— Трон Терры! — испугано воскликнул Варко.

Прямо перед ними на спине лежал титан. Распростертая искалеченная гигантская конструкция горела, словно покойник на погребальном костре. Из внутренних пустот рвалось бурное пламя. Титан был огромен. Казалось, они приближаются к телу павшего бога. Варко услышал треск и понял, что гусеницы «Главной стервы» давят куски брони, отколотые с корпуса чудовища.

— Он мертв, — раздался в воксе голос кого-то из танкистов.

— Кто-то нас опередил, — протрещал другой.

— Нет-нет, — пробормотал Варко, глядя на дисплей, — это наш. Это один из наших!

Система распознавания определила обломки как «Аннигилюс Вентор».

— Но, сэр… — начал кто-то из командиров танков.

— Тревога! Тревога! — крикнул Варко. — Глядеть в оптику, Трона ради!

Он почувствовал в желудке прилив кислоты. Оптимизм мгновенно угас. В разведданных магоса Стравин зияла серьезная дыра, и Гордая шестая бронетанковая только что заехала в очень плохое место.

Зазвенел детектор угроз.

— Контакт! — оповестил Кодер. — Нас только что подсветили в спектре прицельного луча.

— Откуда? — спросил Варко. Он крутанулся на сиденье и глянул в оптику.

— Ауспик не может определить, — ответил Кодер. — Слишком сильный тепловой фон.

— Отлично! Где он? — настойчиво требовал Варко.

Идущий рядом танк, «Виктория», под командованием Гема Ларока, одного из самых давних друзей Варко, неожиданно разлетелся на куски. Варко отшатнулся от окуляров, ослепленный вспышкой. «Главную стерву» тряхнуло, по обшивке застучал град металлических обломков.

— Поворачивай! Поворачивай! — приказал Варко.

Еще один «Покоритель», «Опустошение», разорвало пополам пропоровшей его насквозь очередью турболазера. Кормовая часть танка взлетела в воздух, извергая обломки и части двигателя.

До Варко внезапно донесся отрывистый грохот танковых орудий. Три машины слева, задрав стволы, всаживали в ночь снаряд за снарядом.

— Траверс! Траверс! — заорал стрелок Варко. — Кажется, я его вижу!

— Как можно было не заметить такую долбаную громадину? — простонал заряжающий.

— Отметка восемьдесят один! — откликнулся стрелок. — Он прямо там!

Варко бросил взгляд на ауспик. Тот наконец-то нашел цель. Вражеская махина наступала

сквозь огненную бурю, прикрытая тепловой завесой горящих скважин. Она шла, ведя огонь, — на дисплее наручные и бортовые места крепления ее орудий пылали засветкой.

Махина была у них за спиной.

Варко врубил поворотный механизм башни на полную, заставив моторы взвыть. «Главная стерва» развернулась башней назад.

— Огонь!

Главное орудие оглушительно рявкнуло.

— Давай еще!

Орудийный расчет перезарядил орудие. Грянул второй выстрел.

Впустую. Гигантская махина продолжала шагать, сокращая дистанцию. Огромная левая стопа смяла «Покоритель» и отшвырнула сплющенные обломки в сторону.

— Полный вперед! — заорал Варко. «Главная стерва» с грохотом ринулась вперед, и орудийный расчет выпустил третий снаряд. Варко увидел, как тот фейерверком разорвался на покрытой пятнами нагрудной плите наступающего чудовища. Турболазер полыхнул новым потоком света. «Покоритель» «Пыл битвы» взлетел на воздух: турболазер пропорол дорожку дыр в броне, подорвав боезапас. Корпус лопнул, башню сорвало и унесло в ночь, словно брошенную кем-то сковородку. С сокрушающей силой она ударила в бок «Главной стервы». Варко бросило в сторону. Заверещали сигналы тревоги.

— Еще раз! — приказал он.

Стрелок нажал на кнопку выстрела — и задранный кверху ствол с грохотом выплюнул снаряд. Тот ударил наступающую махину в горло, заставив ее споткнуться и отступить на шаг.

— Еще! — взревел Варко.

Взорвался «Победный марш». Куски металла с визгом разлетелись во все стороны. Два из них ударили по башенным датчикам «Главной стервы», вырубив ауспик. Третий, раскаленный добела, пробил броневой щит пушки, перерубил пучок кабелей и выпотрошил заряжающего. Тот с криком рухнул на дно башни, схватившись за развороченный живот. Варко сморгнул забрызгавшую глаза кровь. Всю башню, ее внутреннюю поверхность, залило красным.

Он отстегнул ремни и спрыгнул вниз.

— Кодер! Помоги ему! Я буду заряжать!

Он понимал, что это бесполезно. Заряжающего, корчащегося и вопящего от боли, было уже не спасти. Его внутренности разметало по полу, сквозь разорванный китель торчали обломки ребер.

«Как ты еще жив?» — мелькнула мысль. Варко выхватил новый снаряд из обоймы и вогнал его в казенник.

— Целься! — приказал он стрелку.

Облепленный ошметками плоти и промокший от крови заряжающего, тот замешкался.

— Целься! — заорал Варко.

Но было уже поздно. Махина добралась до них.

http://tl.rulate.ru/book/30591/660368